

ЛИРА ВЕЛЕНА

Отсутствие мер
СТРАСТЬ САТАРОВА

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ли́ра Веле́на

Отсу́тствие ме́ры.

Страсть Сатарова

<https://litres.ru/74350449>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — друг её отца. Устоявшаяся жизнь, статус, респектабельность.

Рядом с ним — разные женщины, но они просто фон.

А она — яркая вспышка, запретный плод, сладкий и совершенный.

Его взгляд приковывает, а голос заставляет трепетать.

Как устоять, когда желание сильнее разума, принципов и многолетней дружбы?

Это больше, чем искушение. Это — предательство.

—Я согласна, — и никого стыда во мне нет. И не желаю думать о последствиях. Все происходит, как в тумане или каком-то сне. Склонившись надо мной, одной рукой притягивает за талию и нежно целует скулу. Все внутренности обдают кипятком. Болезненные спазмы полосуют ребра, низ живота. С трудом стою на ногах.

—Дурочка, — выдает наконец.

—Я вас люблю, Аким Артурович —опьяненная признаюсь. Яркие огни вспыхивают в голове, от выплеска адреналина, от понимания, что я желанна.

—Зря. То, что я с тобой буду вытворять к любви никак не относится.

—Я готова.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Отсутствие меры. Страсть Сатарова

Глава

ГЛАВА 1

— Василина, ты ещё долго? — наблюдая за моими действиями, младший братик успевает корчить рожи перед зеркалом.

— Долго.

— Ну и глазища. Полный отстой, — не унимается Демид, комментируя мой мейкап.

— Ты должен понимать, малыш, — ставлю ударение на согласных, — нравится тебе или нет, мне плевать, — мычу в нос, стараясь вывести идеальную стрелку.

— Ты похожа на Малефисенту. Она злая и страшная, — он вытаращивает глаза и жутко кривит рот, кого-то явно пародируя. Или, может, пытается продемонстрировать максимальную схожесть с героиней фильма.

— Чёрт, какой-то треш, — не удерживаюсь от ругательства.

Подводка съезжает на нижнее веко, так как мелкий резким движением задевает мой локоть. Капец. Уже битый час пытаюсь накраситься. Раздражение растёт, и хочется сорваться на братике, но короткий стук в дверь не даёт сорваться гневной тираде.

— Василина, дом полон гостей. Марианна уже спустилась. А ты до сих пор не готова?! — вопрос риторический, но констатирующий факт. Это один из моих недостатков, над которым я усердно работаю, но пока безуспешно. Мы встречаемся глазами, и она сводит брови к переносице, понимая, время, данное на сборы, потрачено впустую.

— Мам, можно мне остаться в комнате? — и, подобно актрисе, вкладываю в просьбу жалобные ноты и щенячий взгляд.

— Ну, как ты думаешь? — напряжённая мимика точёного лица довольно красноречива.

— Ясно, — выдыхаю обречённо.

— Что случилось? — допытывается она.

— Голова разболелась, — конечно, я вру и переключаю взгляд на косметику, усердно собирая мелочь в органайзер.

— Этот номер не пройдёт, дорогая. Умойся и спускайся в холл. Наша семья тем и отличается — гостеприимством. Поторапливайся, — хозяйка дома непреклонна. — Демид, на выход, — звучит твёрдо, но у мамы всегда мягкая интонация в голосе, как бы она ни старалась навеять страх на домочадцев.

— Мам, я выгляжу словно общипанная мокрая курица.

— Курица... Общипанная курица, — передразнивает младший брат.

— Сынок, подобные высказывания не красят мужчину. Марш вниз. Я видела, как Дашенька приехала с родителями.

— Ееее, ееее, — малой вылетает пробкой из комнаты.

Оборачиваюсь и смотрю умоляющими глазами на эффектную блондинку.

Она всегда выглядит отпадно. Вся такая утончённая и

статная. Ей не требовалось стоять у зеркала часами, чтобы выглядеть шикарно. Она — само совершенство.

Я восхищаюсь её красотой.

А иногда сетую на несправедливость, потому как идеальные гены передались только Марианне.

Демид не в счёт — он точная копия папы.

— Ты мне доверяешь? — зелёные глаза удерживают мой взгляд и слепят блеском.

— Ну, допустим.

— Ну, тогда уверяю тебя, ты выглядишь прекрасно. А без боевого раскраса так вообще потрясно, — с этими словами захлопывается дверь, а через секунду вновь открывается. — И да, Василина, актёрская игра слабовата, — роняет с ноткой иронии.

И так постоянно.

В любом споре, разговоре последнее слово остаётся за этой невероятной женщиной — она упрямица и мастер убеждения. Ей отец уступает, а он авторитет и крепкий оре-

шек. Оставшись в комнате, ещё какое-то время смотрюсь в зеркало.

Никакая косметика не замаскирует россыпь мелких веснушек, которые отчётливо демонстрирует белоснежная кожа.

Их немного, и всё же...

Ничего не остаётся, как двинуться в ванную.

В охватившем отчаянии смываю неудавшийся макияж. Тщательно ополаскиваю лицо, затем обтираю бумажным полотенцем под роем беспорядочных мыслей.

Бесконечные банкеты, слёты городской элиты и бизнес-партнёров в последние месяцы проходят в нашем доме довольно часто и изрядно утомляют. Физически и морально.

Конечно, официально причина столь массовых приёмов не озвучена, но я догадываюсь, что папа зондирует почву заблаговременно.

Через год он планирует баллотироваться в депутаты, и уже вовсю началась подготовка к предвыборной кампании.

Боюсь представить, что будет дальше.

А сейчас мне хочется тишины.

Бегло и скептически вновь изучаю себя — вся какая-то несуразная.

Покрасневшие глаза, распахнутые на пол-лица, и широкие брови врзлёт выделяются широкими пятнами, мне их словно Брежнев одолжил. Царствие ему небесное.

В нелепом сарафане фигура кажется угловатой, а грудь третьего размера смотрится неестественно.

Высокий лоб, этот курносый нос, чётко выраженные скулы — как по мне, ничего примечательного во внешности.

К тому же родинка над губой дико бесит. А эти губы — отдельная история, Анджелина Джоли ещё не догадывается, что её переплюнули.

Да, я жутко недовольна внешними данными, вопреки толпе ухажёров.

Единственным утешением служат волосы — длинные и волнистые.

Мама говорит, что тут вмешался её генофонд. Как-то выборочно он сработал, согласитесь.

А вот Марианна выиграла джекпот — моя старшая сестра, эталон красоты и женственности.

Словно скульптор кропотливо отработал каждый штрих её красивого лица, молчу уже про фигуру и грациозность.

К тому же она умна, честолюбива, а чертовски бешеная харизма сносит наповал.

Ведь не зря французский бренд косметики заключает с ней долгосрочный контракт.

Безусловно, я ухаживаю за собой — спа-салоны, спорт, медитации, принятие благ и тому подобное. Но от себя не сбежать, и никакие процедуры не спрячут истинной личности.

Пересилив внутреннее сопротивление и тяжело вздохнув, выхожу из спальни и медленно спускаюсь в холл.

Из гостиной доносятся разговоры и смех в сопровождении классического джаза.

Звуки становятся громче, и вот уже видны очертания нарядно одетых людей.

Кто-то лениво потягивает вино, другие оживлённо беседуют, образуя небольшие группы.

Мама, как всегда, в центре внимания. Она умеет располагать к себе людей и создавать атмосферу непринуждённости.

У папы много влиятельных друзей, коллег, и на политической арене они обладают хорошими связями, которые активно укрепляет отец.

Мне понятны мотивы главы семейства, но, честно говоря, иногда царапает ощущение, что мужчина думает о репутации, бизнесе, политике больше, чем о маме и детях.

Я знаю лишь единицы гостей — это хорошие люди.

На том их идентификация заканчивается.

Из всех явившихся на пикник меня волнует один человек, и только единственный вопрос — приехал ли он?

ГЛАВА 2

Пальцы с силой смыкаются на перилах — ответ не требуется ждать, он обрушивается на меня лавиной.

Мой слух, подобно сонару, мгновенно улавливает знакомый голос из общего гула.

Он здесь.

И сердце пропускает удар, бешено трепыхаясь под ребрами.

Вся комната вращается, перед глазами красочная карусель.

Из помещения будто кислород выкачивают; глотки воздуха тяжелые, и вентиляция в легких прекращается.

— Боже, — шепчу себе под нос.

Внутри взрывается вулкан — палящий жар обдаёт кожу.

А кровь, подобно раскаленной лаве, стремительно течет по венам — бурлит от насыщения эмоциями.

Я горю в самом прямом смысле.

Горю чувствами уже много лет, но каждая встреча, как первый раз — выбивает из колеи, как щепку в океане, швыряет из стороны в сторону.

Преодолеваю пролет лестницы на всех скоростях, хотя ног совсем не чувствую.

Взлетаю в гостиную, забыв об этикете и нормах приличия. Готова броситься в его объятия, но тело не слушается, а ступни прирастают к паркету.

В нескольких шагах от него останавливаюсь.

Все мои точки и полюса сконцентрированы на Акиме Артуровиче. Весь мой мир сужается до этого мужчины.

Я не видела его больше двух лет, и наконец он вернулся из длительной командировки.

Он, как маяк во тьме, выделяется среди толпы, и выцепить взглядом Сатарова несложно.

Замираю в восхищении. Сбивчивое дыхание выровнять пытаюсь.

Внушительный. Высокий. Стильно одетый. И невероятно

недосягаемый.

Он стоит в профиль, и мне удастся полюбоваться выразительными чертами лица и крепким телосложением.

Дух захватывает от мощи и исходящей силы, от безусловной уверенности.

Тяжелый подбородок, прямой нос и широкий лоб — всё до боли любимое.

Глубоко посаженные глаза и губы в кривой усмешке, как расстрел, вышибают мозги напрочь.

Его косые плечи и мышцы, спрятанные под свободной футболкой, играют при малейшем движении — на это можно смотреть вечно.

Загорелые руки держат бокал, и подушечки пальцев зудят от желания прикоснуться к узорам вздувшихся вен.

У него новая стрижка, черты лица приобрели большую резкость.

Для восприятия немного непривычно, но изменения только к лучшему — подчеркивают силу воли и мужественность.

Губкой впитываю мужской образ, потому как понятия не имею, когда удастся встретиться с ним снова.

Объект моего обожания ведет диалог с жутким незнакомцем.

Мужчины одного роста, массивной комплекции, и это устрашающее комбо давит звериной энергетикой.

Я вижу мистера Икс впервые — человек явно другого круга общения.

Какого? Напрашивается логичный вопрос.

В светских кругах об этом вслух не говорят, и я убеждена, мои домыслы не ошибочны.

Я никогда не придавала значения статусам, регалиям нашей семьи и не чувствовала над остальными превосходства. Вообще плевать.

Только сейчас идет разительный контраст — незнакомец не вписывается в раут, в общую картину, как, собственно, и в окружение приглашенных.

От него веет хищным холодом и опасностью.

Хочется всем телом съжаться в комок.

И Сатаров с ним близок, это заметно невооружённым глазом.

Честно говоря, я бы предпочла избегать единого странства с мрачным типом.

Ледяной взгляд подобен острию бритвы — живьём пускает на ремни.

В ленивых жестах и стойке улавливается порода, доминирование.

И Аким Артурович шлифует загадочный дуэт — властью и немислимым притяжением.

Что может связывать Сатарова с матерым уголовником?

В том, что мистер Икс из тех самых далеких мест, я не сомневаюсь.

Но мой анализ обрывается.

Внезапно появляется роскошная брюнетка в ядовито-красном дизайнерском платье.

Оно подобно победоносному знамени и дерзкому вызову.

Макияж, укладка, драгоценности, сладкий аромат духов — подобных ей причисляют к тяжелому люксу и непомерной роскоши.

Как по мне, девушка приторная и яркая. Аж в глазах рябит.

Модель по-хозяйски обвивает ладонью локоть Акима.

Кто она такая?

Хотя на периферии сознания идет догадка, но я ее трусливо отмечаю, как и похоронный звон над моими надеждами.

Колени пружинят, тело мурашит, а я, пригвождённая к полу, стою с липкой испариной, покрывшей позвоночник, и холодом, гуляющим меж лопаток.

Внутри разворачивается шторм, эмоции шквалируют — они как неудержимая волна, всю сносит, и катастрофически не хватает воздуха.

Первое, что хочется сделать — сорвать ее конечности, чтобы не смела касаться мужчины.

Второе — взять незнакомку за чертовски длинные волосы и выкинуть из нашего дома.

Только земля уходит из-под ног от Его реакции.

Мой возлюбленный притягивает девушку за талию и поцелуем в висок отправляет в горящий ад.

Сердце падает в желудок тяжелым камнем, и болезненные спазмы разносятся по всему телу, проламывая самый центр ложбинки.

В меня словно вливают кислоту, и каждая клетка расщепляется — от меня ничего не остаётся.

Я словно опустошённый сосуд, из которого высасывают жизнь.

Упорно смотрю перед собой и не верю происходящему.

Смотрю и отказываюсь принимать реальность.

А ком колючий такой противный в гортани разрастается и рвётся наружу.

В глазах печёт от бессилия, от режущей боли внутри, от паники, что нарастает с каждой секундой.

Маска приличия вот-вот треснет от натиска ревности.

В одно мгновение мир рушится на миллион осколков, каждый из которых вонзается в моё несчастное сердце.

ГЛАВА 3

— Селина, с тобой всё хорошо? — выводит из прострации мамин голос.

— Угу, — звук выдавить не удаётся, язык прилипает к нёбу от образовавшейся сухости во рту.

Прежде я не желала допускать мысли, что у него бывают дамы.

Даже ничего не значащие, даже если для здоровья.

А сегодня впервые он пришёл в компании женщины, да ещё такой шикарной.

Мадам ухоженная, утончённая, будто сошла с обложки, и это как удар в солнечное сплетение.

Между мной и Акимом всегда существовала связь.

Ментальная, вербальная, эмоциональная, какая именно, пока не разобралась.

Но я её чувствовала и наивно полагала, что она никогда не оборвётся.

А сейчас вся картина — какой-то кошмар.

Самый худший в моей жизни.

Она причиняет невероятные страдания, и я не способна справляться с собой.

Слишком много сбивчивых мыслей и глушащих эмоций.

Боже. Мне даже думать больно.

— Тогда поздоровайся с гостями, — кивком указывает на толпу. — О тебе уже спрашивали, и не забудь к отцу подойти, — махая рукой, мамуля привлекает внимание троицы. Жуткий мистер Икс поспешно удаляется, а вот Сатаров и его

спутница надвигаются.

— М-мам, послушай меня, — утягиваю женщину за рукав платья.

— Что, дорогая?

— Я на самом деле неважно себя чувствую. Мне действительно плохо. С утра живот крутит, и голова болит. Похоже, у меня ПМС, — на коротком выдохе выпаливаю. И это не наглый обман. В глазах темнеет от боли, она переполняет, и я задыхаюсь.

— Лидия? Нам пора уходить. Хотел попрощаться, — вкрадчивый голос останавливает мой монолог.

— Уже? Вечеринка в самом разгаре, Аким.

— Много дел, ты же знаешь, — плечи, спина каменеют.

— Очень жаль. Мы ведь не успели пообщаться.

— В следующий раз.

— Что ж, была рада вас увидеть. Приходите почаще.

— Обязательно. Заскочу как-нибудь. Я так понимаю, эта молодая особа — Василина? — низкий голос вибрирует в перепонках, и бешеной циркуляцией кровь бьёт по щекам. Сердце по новой заводится.

— Да, Аким. Это наша Лина.

— Приятно удивлён. И поражён, — механически поворачиваю голову, откуда исходит тембр. Горло сдавливает щупальцами от изучающего взгляда и неприкрытого интереса. Я проваливаюсь в синеву его глаз и барахтаюсь в их глубине. Они же подобны океану — рокочущему и необъятному. — Здравствуй, Василина, — он протягивает руку для пожатия, а я фактически парализована и ослеплена.

— Здравствуйте, — отвечаю машинально пожатием. От прикосновения шершавой ладони пронзает током, и мелкий импульс разносится по коже. Он вскидывает брови, но лишь на секунду.

— Ты сильно изменилась за два года. На улице я бы наверняка тебя не узнал. Красавица, — надеюсь, он действительно так думает, а не вещает банальный словесный вброс. Меня разглядывают откровенно, словно я музейный экспонат. — Если не ошибаюсь, тебе скоро двадцать один исполнится?!

— Верно. Через неделю, — мямлю что есть силы. Брюнетка скучающим видом проезжается по мне сверху вниз, а правая щека горит под прицелом мамы.

— Славный возраст. Он знаменует перемены, определяющие жизнь. И выбор. Как же быстро летит время, — но для меня ничего не изменилось — я по-прежнему влюблена в тебя.

— Друзья, есть предложение, — обращается к парочке мама, и я натягиваюсь до предела жилистыми струнами, догадываясь, какой последует речитатив. — От лица нашей семьи приглашаем вас в следующую субботу на празднование дня рождения Василины, — мама, видно, решила забить последний гвоздь в мой гроб. — Мы будем вас ждать.

— Мы не против, — отвечает выскочка, и волна гнева бьёт ударной волной по голове. Да как она смеет? — Правда, дорогой?

Дорогой?

Аббревиатура служит ледяным ушатом, и из заторможенного состояния перехожу в атаку. Мне невыносимо находиться здесь! Я не могу смотреть! Не хочу видеть то, что вижу!

— Мам?! — Вспыхиваю вся. Горю, как папирусная бумага. Подчистую. Мозг искрит от бешенства, и контроль, считай, потерян. — Вообще, это мой праздник, и только мне решать, кого на него приглашать, а посторонним на нём не место, — огрызаюсь, подстёгиваемая яростью.

— Селина?! — Мама в недоумении и с распахнутыми глазами, видимо, пытается понять, какая муха меня укусила. Адель её зовут.

— Лидия, всё в порядке, — вступается Аким. Чем больше злит, типа он добродетель. — Василина права.

— Ничего не в порядке. Ясно?! — Парирую дерзостью.

— Что на тебя нашло? — хозяйка дома в явном шоке.

— Я же сказала — это мой праздник.

— Зайди к себе и ни шагу из комнаты. После мы поговорим, — строго отсекает женщина.

— С превеликим удовольствием, — не остаюсь в долгу.

Дважды говорить нет надобности, я покидаю помещение

с обрывистым дыханием и сквозняком в груди.

Мне настолько больно, что хочется сбежать и напиться до беспамятства, впасть в кому, что угодно, только бы забыться.

С силой хлопаю дверью, оказавшись в своей спальне.

Здесь мой маленький мир, уголок, где можно обнажить свои чувства.

Включаю стерео и, уставившись в стену, пытаюсь привести дыхание в порядок.

Чёрт подери. Не выходит.

Ощущение, что вся тяжесть мира медленно ложится на мои плечи.

И сложно двигаться. Сложно дышать.

Взяв айпад, стараюсь абстрагироваться, пролистывая ленту эскизов.

Я ни капли не жалею о сказанном. Да, простит меня мама.

Стилуsom делаю наброски верхней одежды, но затем уда-

ляю файлы, так как кажется всё ужасным и безвкусным.

Перед глазами стоит убивающая картина — он и она.

Я представляю их вместе.

Их утренние совместные завтраки. Походы по магазинам и кино.

И наверняка каждую ночь они занимаются нежным сексом. А затем изнемождённые ласками засыпают в обнимку.

Нет. Нет. Нестерпимо. Неправильно. Встряхиваю волосами. В моей голове им не быть вместе.

Пишу образ, который никогда не покидает мои мысли.

Он вбит в мою память и отпечатан в сердце.

Я знаю наизусть каждый штрих выразительного лица, каждая черточка отпечатана хрусталиками.

Даже ослепнув, я смогу на ощупь его опознать.

Визуализирую. На дисплее — я и он.

Аким грозно возвышается, подобно исполинским скалам, и, склонив голову надо мной, смотрит с искрящей страстью.

Наши застывшие силуэты разделяют миллиметры, и губы разомкнуты в предвкушении вожаделенного поцелуя.

Олицетворение мужественности и моя хрупкость будоражит контрастом.

Плавными движениями добавляю мокрые пряди волос, они обрамляют наши лица, и ещё одежду, прилипшую к телу от дождя.

Изучаю написанную работу — она идеальна.

От наброска веет интимностью и загадкой.

Напряжение и абсолютную власть мужчины.

Оставшись удовлетворенной эскизом, прикасаюсь губами к холодному дисплею, и кошки начинают скрестить на душе.

— Неужели ты для меня навсегда потерян?

И ответом идет образ той самой амазонки — яркой и до тошноты идеальной.

А я всего лишь дочь лучшего друга.

Его дружба с моим отцом проверена временем и тяжелыми обстоятельствами.

Подобным не размениваются, такое не забывается.

Из чего следует, как женщину он меня не воспримет никогда.

Не переступит дружбу, а значит, шансов на взаимность со стороны Акима равны нулю.

И горько становится от открытия, от безнадежности быть хочется — моя невозможная любовь причиняет невероятную боль.

Чувства выворачивают наизнанку.

Только сердцу не прикажешь — оно живёт Акимом.

В глазах щиплет, и больше нет сил сдерживаться.

Г

орячие слёзы скользят по щекам и подбородку, а по жилам отравой растекается ревность.

Как не сойти с ума?

Как справиться с палящим огнём в груди?

Даю волю слабости и, уткнувшись в подушку, я плачу навзрыд от безответных чувств.

От переполняемой несправедливости.

ГЛАВА 4

— С днём рождения тебя. С днём рождения, Василина. Будь счастлива и здорова, успешна и весела, — напеваю импровизированную песню под нос, переворачивая последний блин.

Настроение на высоте.

Хочется обнять мир, дарить заботу каждому и улыбаться всему, что происходит.

Хотя основное празднование дня рождения намечено к приезду Марианны, я все равно нахожусь в предвкушении тёплых поздравлений и подарков.

Я проснулась на удивление рано, в пять утра. Жаворонком я никогда не была.

Успела сделать пробежку. В качестве эксперимента затонировала волосы в розовый цвет и приняла бодрящий душ.

Сегодня мне не хочется тратить ни одной минуты впустую.

Более того, я планирую устроить детокс от социальных сетей и максимально воздержаться от мессенджеров.

Да, все очень серьёзно — двадцать один год исполняется однажды.

В данную минуту я готовлю завтрак для всех членов семьи.

Аромат на кухне стоит невероятный. Стол ломится от изобилия блюд — я учла предпочтения каждого.

Шакшука с сочными томатами, моцареллой и душистой зеленью, так любимая папой.

Для Демида нажарила пышные панкейки под соусом тоффи и фруктовой сальсой, а мамуле приготовила блины креп-сюзетт в апельсиновом фреше и кофейным мороженым.

Она еще злится на меня за учинённую выходку на пикнике, но лед постепенно трогается — по крайней мере я работаю над нашим примирением.

Неделю назад Марианна улетела на пробные съёмки рекламы и должна в ближайшие дни вернуться.

Потому камерой телефона фиксирую содержимое стола и отправляю кадры в наш чат.

Ответ получаю незамедлительно.

Марианна: «Не ожидала от тебя такой жестокости».

Я: «Кто бы говорил. Это тебе за чёрное платье».

Марианна: «С тебя причитается. Хочу Наполеон в твоём исполнении, и будет тебе платье».

Я: «Подумаю».

Марианна: «С днем рождения, Sister. Подарок вручу по приезду».

Ставлю реакцию на сообщение и выключаю гаджет.

Ждать родню к завтраку времени нет, забегаю в спальню и в спешке собираюсь.

Волосы оставляю распущенными, фиксируя на макушке тонким ободком, инкрустированным мелкими камнями.

Надеваю розовую юбку в складку, белую блузку, гетры и мои незаменимые бессмертные кроссовки.

На крыльце главной парадной меня ожидает чёрный «Мерседес» и личный водитель. Ярослав приветствует, учтиво открывая заднюю дверь, и я плюхаюсь на кожаное сидение.

Ярик плавно выруливает со двора, и уже через три минуты мы оказываемся за пределами резиденции.

С завистью наблюдаю, как мужчина умело лавирует по трассе, и одолевает желание почувствовать тяжесть махины, взяв власть в свои руки, и проникнуться урчанием мотора.

Это моя мечта — получить права и водить машину.

— С днём рождения, Василина Багировна, — мягкий голос нарушает тишину салона.

— Спасибо, Ярик. Кстати, ты первый, кто меня поздравил.

— Этого не может быть.

— Это чистая правда, — вздыхаю шумно, ну конечно я лукавлю. — И поэтому настроение нет, — начинаю издали, ведь в голове мелькает идея.

— Сейчас только утро, к вечеру вы утомитесь от поздравлений.

— Это будет вечером.

— Возможно, есть вариант, чтобы поднять вам настроение, только вы запомнили..

— Как знать, — и вновь тяжелый вздох. — Ярослав, как долго ты у нас работаешь?

— Пять лет практически, — говорит с гордостью.

— Нормально так.

— Согласен.

— Ты профессионал, — теперь умасливаю.

— Я не сразу им стал.

— Главное, что стремился.

— Просто не было выбора.

— Ярослав, я поняла, что может мне поднять настроение,

— щёлкаю двумя пальцами, поддаваясь вперед с азартом.

— Я весь во внимании.

— У меня к тебе деликатная просьба, — моргаю ресничками.

— Я вас слушаю.

— Можно мне за руль? — перехожу к сути, — жуть как хочется попробовать, ты даже не представляешь.

— Исключено, Василина Багировна. Нельзя.

— Пожалуйста.... Ну, прошу тебя? Плизззз, — тяну слова, складывая ладони в мольбе.

— Нет.

— У меня сегодня день рождения, а отказывать именинникам категорически противопоказано, тем более с удручающим настроением.

— Это манипуляция, смекаете?!

— Манипуляция — это заранее обдуманый сценарий развития ситуации. А моя просьба спонтанная и совсем невинная. Ярослав, пожалуйста... Ну, пожалуйста.

— Совсем уж и не невинная. Василина Багировна, я головой отвечаю за вас, и ваша безопасность в приоритете. Нежели просьбы, основанные на подсознательных пожеланиях, — произносит твердо и монотонно.

— То есть соглашения нам не достичь?!

— Именно, — непреклонно отвечает, не отводя глаз от дороги. По крайней мере понятно, почему так долго он у нас работает.

— То есть ты отказываешь мне в просьбе?

— К сожалению.

— Ты уверен?

— Василина Багировна, если я позволю вам сесть за руль, то лишусь рабочего места — это в лучшем случае.

— Ок. Но имей в виду, в моем рейтинге кумиров с этого дня ты слетаешь на минус ноль уровень.

— Это больно слышать, юная леди. Огорчать вас я точно не хотел. И потому позволю себе надеется на реабилитацию, и у меня вновь получится возглавить список фаворитов, — он ещё и ёрничает.

— Ярослав, тебе известно, с чего нужно начинать. Но имей в виду, тебе не легко придется, — поворачиваю голову к окну, считая беседу оконченной.

— Я не сомневаюсь. Но возьму на заметку.

— Уж постарайся, — разочарованно кидаю.

Видимо, мама права — мои актерские данные слабоваты.

ГЛАВА 5

И принимаюсь наблюдать за уже ожившим городом.

Для каждого живущего он несет свои ассоциации – надежды, перспективы, любовь, успех.

Для меня – боль.

И сразу же приходят мысли о Нем.

В стране ли он? Чем занимается?

Я совру, если скажу, что не жду сообщения или звонка от Акима Артуровича.

Каждый год в мой день рождения я получаю от него пакет сладостей, цветы и теплые слова.

А сегодня впервые одолевают сомнения — несдержанный выпад мог оттолкнуть мужчину от меня.

Конечно, спустя несколько дней, на холодную голову я проанализировала свой поступок – поступок капризной девчонки.

И становилось не по себе. А еще немного стыдно.

Собственно говоря, еще и по этой причине телефон выключаю, чтобы не мусолить мобильный в ожидании.

До института доезжаем в полной тишине, и, не дожидаясь опального водителя, выпрыгиваю из автомобиля.

Василиса и Ульяна уже ожидают меня с цветами и шарами. Заметив мое приближение, жестикулируют руками.

— Привет, красота, — звонкие голоса едва не оглушают.

— Вау, розовый. Он божественен, Селина.

— Реально, смотришься необычно, — резюмируют подруги.

— На то и расчет, девочки, — цокаю, прокручиваясь осью на мысках кроссовок.

— Решила вообще нас оставить без мальчиков?

— Побойся Бога, Русанова, оставь и нам кого-нибудь.

— Не преувеличивайте, — в той же манере отвечаю. —

Мальши мне неинтересны.

— Категоричное заявление. Значит, кто-то есть на примете? — прищуром включает детектива Васька.

— И кто-то постарше?!

— Только не говори, что это Ярослав?!

— Настоящий допрос, ей-богу, девочки, — отбиваюсь. — Не Ярослав, успокойтесь, пожалуйста. И на примете никого нет, — вполне смахивает на правду, пусть и частичную.

— Пусть так. Но ты явно что-то скрываешь, — замечает проницательно Васька. Порой мне кажется, что она не ту сферу деятельности выбрала. Ей в самые следователи идти, уж точно не в логистику. — С совершеннолетием, зай.

— Мы тебя любим, — добавляет Ульяна.

Девочки обнимают, целуют, говорят много хороших и искренних слов.

После осевших эмоций держим направление в учреждение.

На пороге однокурсники из параллели продолжают эстафету поздравлений.

— Ну как, сегодня всё в силе? Мы идем отрываться? — напоминает Уля о ранней договоренности.

— Конечно, — отвечаю, встречаясь глазами с Дмитрием.

Он, как и остальные, из параллельного потока и в этом году заканчивает магистратуру. Очередной воздыхатель, пожалуй, один из самых настойчивых. Но не навязчив.

Долго и упорно проявляет знаки внимания, но я также долго и упорно делаю вид, что ничего не замечаю.

Читаю в открытом взгляде полную решимость, с букетом белоснежных гипсофил и золотым конвертом.

Я, догадываясь о задумке молодого человека, значит, требуются кардинальные действия и бескомпромиссные.

Ну почему мужчины сами всё усложняют?

Эрудированный, лучший студент универа, высокий, симпатичный и ладно сложенный.

Одним словом, во всем прослеживается баланс.

— Лин, похоже, Дмитрий по твою душу стоит.

— Да, и это не очень хорошо, — шепчу под нос.

— Надо включить камеру, чтобы заснять видео, и залить в инсту, — не унимается Васька.

Ну уж нет, светиться в соцсетях — мое личное табу.

— Девочки, внимание. Сворачиваем направо. Прямо сейчас, — наша троица мгновенно меняет курс, оставляя однокурсника позади нас.

— Жесть, Лин. Так ведь нельзя с мальчиком. Ты бы видела его лицо?! — возмущенно стыдит Уля. — Он покраснел. Побледнел. Всеми красками радуги отсвечивал.

— И мне его жаль, бедный. Так можно и психологическую травму заработать.

— Серьезно?.. Выходит, по вашей логике, лучше тешить мальчика ложными надеждами? Жалеть? Растрачивать его и свое время? Верно?

— Не кипятись, зай.

— Просто он такой крутой. Половина института мечтают о нем.

— Флаг им в руки. Услышьте меня, да, он хороший человек и гордость учреждения, больше в нем я никого не вижу.

— Да поняли мы, что как парень он тебе неинтересен. И все же, обломать Волкова при всем институте — это жестоко.

— Кому сейчас легко? — но вопрос остается в воздухе, так как заходим в аудиторию и спор автоматически теряет актуальность.

Самое важное и приятное событие дня происходит вечером.

Все члены семьи собираются за праздничным ужином. Звучат отеческие напутствия, пожелания и, конечно же, вручают подарки.

Родители передают бумажный пакет, в котором находится черная коробка, перевязанная серебряным бантом.

— Что это? — аж голос дрожит в волнении.

— Открой после полуночи и узнаешь, — говорит папа кратко.

— Умеете вы навевать интригу, — произношу с улыбкой.

— Это подарок со смыслом, милая. Мы с папой уверены, наш посыл ты поймешь, как только распакуешь презент, — мягкая интонация обволакивает слух.

— Я умираю от любопытства, — шепчу в придыхании. — Мне очень приятно. Спасибо вам большое. Вы самые лучшие. Я вам признательна.

— Мы тебя любим, родная, — я слышу в словах не только признание, но и нежность, ее прощение.

— А вот от меня, — вставляет Демид и протягивает белый конверт, чему искренне изумляюсь. — Мой подарок можешь открыть сейчас.

— Как скажешь, — подарочный сертификат, а если точнее, путёвка в самый рай — океан, песок, шезлонг под палящим солнцем. Дата не стоит, а значит, она открытая, и я смогу лично подобрать удобный момент для отпуска. Это реально крутой подарок. — Неожиданно, — больше слов нет.

— Между прочим, я сам накопил денег, — с гордостью произносит малой, а затем наступает пауза, и беглый взгляд в сторону отца расставляет пазлы по местам. — Ну, правда, папа добавил немного деньжат, и все же я лишил себя сладостей. Очень и очень много, поэтому всего две недели отпуска тебе хватит.

— Довольно щедро. Спасибо, Демид.

— Определенно, крем для загара тебе понадобится, а то ты на бледную моль смахиваешь, — язвит засранец. И откуда он знает подобные вещи.

— Демид, — отец отдергивает братика.

— Вот еще кое-что. Я тут написал тебе несколько пожеланий, желательно отнестись к ним серьезно.

— Читать вслух? — уточняю на всякий случай.

— Конечно, нет, — и смотрит, словно я ахинею сморозила.

На графитовой бумаге формата А4 детским почерком выложены пожелания и ожидания от старшей сестры — чтобы

не болела, не ругалась, разблокировала планшет с видеоиграми и не забыла о дне рождения младшего брата с немалой компенсацией в подарок.

— Я учту, Демид, — прагматик чертов, и в навыках прибыли уже разбирается.

— В субботу прилетает Марианна. Мы ждем твоих друзей и однокурсников, как и договаривались. А также соберется родня и несколько важных персон, — ставит перед фактом мужчина. Я понимаю отца, на его плечи возложена колоссальная ответственность, но на один день можно забыть о политике и расслабиться.

— Пап, нет...

— Гости покинут дом ближе к вечеру, ну а вы с друзьями можете продолжить праздник, — озвучивает предупредительно отец. — Поехать в клуб, например. Я пополнил твою карту.

ГЛАВА 6

— Спасибо, ты очень внимателен.

— Пожалуйста. Всё в порядке?

— Да. Хочу сказать, что я счастлива иметь таких чудесных родителей. И прошу у вас прощение за все мои капризы и выходки. Впредь подобного не произойдёт. И единственное, чем я могу апеллировать – это оставаться вашей гордостью и неустанно благодарить.

— Мы рады, что подобные моменты не требуется озвучивать. И ты всё прекрасно понимаешь.

— Понимаю.

— Вы — самое бесценное, что есть у нас, Василина, — добавляет мама. — Отдельно хотелось прокомментировать завтрак. Вкусный, плотный, с любимыми предпочтениями — тебе удалось сгладить недавний конфликт не потому, что у тебя день рождения, а именно утреннему сюрпризу.

— Значит, мир?

— Мир.

— Мама права, у тебя золотые руки, и можно нас баловать намного чаще, не только раз в год.

— Полностью поддерживаю тебя, дорогой.

— Намек понятен. Я подумаю.

— Ну раз мы всё обсудили, можно приступить к ужину, я жутко проголодался.

— Пап, мам, я пойду вечером гулять. С девочками. И, возможно, приду позже обычного, — переключая взгляд от одного к другому. Не потому, что мне требуется их одобрение, чтобы избежать лишних вопросов со стороны предков.

— Без проблем, родная. Ты же знаешь, мы тебе полностью доверяем. И всё же постарайся сильно не задерживаться. Моя супруга не сможет уснуть, пока не увидит своё дитя в постели, — добавляет отец, набирая очки перед мамой, и играет тонко. Конечно, я безмерно люблю и уважаю своих родителей, и это адекватное явление. Они не перестают удивлять — их воспитание, отношение к нам экологичное и утончённое.

Но порой складывается ощущение, что даже с нами папа ведёт свою политику.

— И будьте аккуратнее.

— Только есть просьба – никакой слежки и телохраните-

лей.

— Василина, — да, я их подловила, но действую лишь их же методами.

— Вы говорите о доверии, и, надеюсь, оно стопроцентное, — обращаюсь к хозяевам дома.

После семейного ужина поднимаюсь в свою спальню. Она сейчас смахивает на оранжерею — пёстрые и нежные букеты заполняют половину комнаты. И аромат цветов настолько терпкий, что горло щекочет, и приходится распахнуть окно.

В каждую корзину вложены открытки, и только завтра удастся дать обратную связь отправителям.

Включаю телефон и ставлю на зарядку. Затем направляюсь в кабинку и под лейкой тугих струй смываю скопившееся напряжение за столь насыщенный день.

Вода бодрит, и тело дышит свежестью после контрастного душа.

Долго в ванной не вожусь, так как не терпится взять в руки айфон.

Соорудив на голове чалму и накинув шёлковый халат, усаживаюсь на кровать и с замиранием в сердце принимаюсь мониторить проМакс.

Шквал сообщений со смайликами и прочими эмодзи наваливается один за другим, но я жду того самого заветного, от которого сойдёт ритм пульса под гулкими ударами сердца.

Только натыкаюсь на пустоту.

Поздравления от Сатарова отсутствуют.

Я захожу в наш чат, в нём тишина, и в сети Аким не находился два дня.

Сказать, что я расстроена, значит ничего не сказать. Мысли вперемешку атакуют, и единственное объяснение приходит в голову — я в опале.

Или, может, с ним что-то случилось?

Но родители молчат, обычно они в курсе всех происходящих событий в его жизни.

Настроение падает до критической отметки, накатывает

апатия, и выходить из спальни нет желания, а гулять тем более.

Но так как заранее забронирован столик в клубе и дано обещание девочкам о тусовке, с трудом собираюсь.

Мой look состоит из кожаных коротких шорт и топа бандо, оголяющего плечи, линию пресса, а удлинённые сапоги на шпильках смотрятся провокационно.

Я давно достигла совершеннолетия, запоздала с его принятием, временем для провокаций и раскованности.

Но сегодня всё будет иначе. Я хочу перемен. Хочу познать всю прелесть взрослой жизни.

Соорудив высокий хвост и ограничившись лёгким макияжем, дополняю образ большими кольцами в ушах.

Пару пшиков парфюма на запястья, сумочка, телефон, и покидаю комнату, так и не посмотрев на роскошную корзину цветов, оставленную на журнальном столике.

— За Васелину, ик, — в очередной раз выкрикивает Васька. Ритмичная музыка призывает к танцам, и усидеть на месте проблематично.

— Да-да, оставайся такой же конфеткой, как сейчас, — присоединяется к тосту Ульяна.

— Прямо вот с перчинкой.

— И с изюминкой.

— Прямо вот с фишками стервозности.

— Капец. Я типа скучная?

— С ума сошла? Тебя точно такой не назовешь.

— Я постараюсь, девочки, соответствовать вашим пожеланиям. А теперь на счёт три пьём. Один, — и мы синхронно глотаем текилу. Алкоголь знатно дёрет гортань, и передергивает, несмотря на приятное тепло, растекающееся по телу. Нам не удаётся держать покерфейс, и мы морщимся, а затем падаем в хохот.

Какой шот по счёту идёт, не имею понятия, нам весело, и сознание в лёгком тумане.

Однако за спинами девочек замечаю стройную брюнетку.

Она приковывает моё внимание, и невольно напрягаюсь.

Это она. Имени не помню, в отличие от тонких черт лица.

Её ультракороткое и облегающее платье подчёркивает все достоинства фигуры.

Чёрт подери, как ни крути, но выглядит девушка эффектно, сексуально, особенно облокотившись на барную стойку, демонстрирует плавный изгиб поясницы.

Хотя для меня её наряд в ультрафиолете выглядит пятном и слишком раздражающим.

Да, я предвзята. Но справедливости ради, ревнивая девушка априори не может быть объективной.

Женщина с мозгами без сопровождения мужчины в откровенном наряде не выходит, а значит, есть вероятность нахождения Акима Артуровича в клубе.

Бегло осматриваю зал.

Я буквально ощущаю, как кровь бурлит. Всё внутри горит.

И ёрзаю на стуле, так как интуиция трубит о верности до-

гадки.

Мне кажется, ноздри улавливают аромат Сатарова даже на расстоянии.

А когда натыкаюсь на его затылок, широкую спину, то стук сердца заглушает несмолкаемые биты.

Всё по щелчку выключается. Лица людей размываются. И помещение в софитах вращается.

ГЛАВА 7

Дьявол подери тебя, Аким. Как же хорош собой.

И это проявляется во всем. В каждом жесте.

В непринужденной стойке, когда слушает собеседника, покручивая пальцами бокал с янтарной жидкостью. Коршун следит за брюнеткой, не упускает ее из виду, и, попрощавшись с собеседником, идет к своей девушке. Склонившись над ней, что-то говорит, придерживая за талию.

А она, выпрямившись, касается его локтя и, приподняв-

шись на носочках, отвечает.

Меня мутит всю от идиллии парочки, от притяжения, что между нами искрит. Сложно держать себя в руках, когда хочется кричать и биться головой о стену.

Совладав с первой дезориентацией и взяв волю в кулак, отвожу глаза в сторону подиума.

— Я танцевать, — встаю с дивана.

Необходимо прекратить издевательство над собой и не думать. Не строить воздушных замков.

— Эй, Селина. Без нас ведь никак, — следуют за мной.

Каждая клеточка тела ноет от ревности.

Меня разрывает. Невыносимая боль в груди рвётся наружу. И как ее выплеснуть, пока не понимаю.

Моя любовь к Акиму — это пропасть без дна. Она мучительна, и корчится от безысходности, а внутри все переворачивается.

Я стискиваю зубы, затем клею улыбку и включаюсь в ди-

намичные аккорды «Дублет Ронгз».

Первые движения вялые и даются с трудом.

Но азарт Василисы и Ульяны привлекает внимание, их звонкий смех и улюлюканье заразительны.

Мы отбиваем такт нот, попадая в ритмы, и двигаемся синхронно, будто заранее заучен танец.

Каждый удар по мембране барабанов не даёт остановиться, и я подчиняюсь музыкальной композиции развязными действиями.

Вытряхиваю из головы кадры, которые вспарывают хуже холодного оружия. Эта женщина, сама того не подозревая, наносит мне сокрушительные удары раз за разом, причиняет нестерпимые муки.

А вот он...

Открываю глаза и сталкиваюсь с прошибающим взглядом, который медленно скользит по мне от головы до ног.

Кожа под одеждой вспыхивает, щиплет от незримых ожогов.

Видно, я настолько пьяна, что воображение рисует столь желанный взгляд?

Ведь он сейчас сторожит брюнетку, кроме неё, Сатаров никого не видит.

Чтобы снять наваждение, прикрываю веки и, досчитав до тридцати, вновь распахиваю глаза.

Только Аким стоит передо мной. Смотрит чётко в упор.

Рефлекторно застываю.

Просунув руки в карманы брюк и широко расставив ноги, с прищуром наблюдает за мной и ждёт дальнейших действий.

Его взгляд буравит меня насквозь.

Шарит под кожей.

Черт.

Он никогда так странно не смотрел.

Я словно под прицелом стою, остаётся снять предохранитель. И если я не остановлюсь – не избежать последствий.

Но адреналин щекочет нервы, подстёгивает бросить вызов, что и делаю – открыто саботирую.

Плавными движениями я прогибаюсь телом – возобновляя танец. Бедром кручу восьмёрки, подключая грудь и руки.

Под штормом кусачих мурашей удерживаю зрительную борьбу, ищу его глубину и нормы допустимого.

Уловив мой посыл, в нем буквально происходит трансформация.

От друга семьи до мрачного типа с замашками психопата.

Мужчина жутко скалится и окидывает нездоровым блеском. Кажется, меня готовы убить, и это только хлеще заводит.

Пульс частит, когда он делает шаг вперёд и, спустившись к подиуму, движется прямо в мою сторону.

И по-хорошему перекреститься, затем дать деру не огля-

дываясь, ключевое слово – по-хорошему.

Только мы уже выяснили, данный вариант не актуален.

Впервые от Сатарова исходит угроза, и воздух забивается в лёгких от неспешного приближения.

Мне ни капли не страшно, продолжаю танцевать, порочно кручу бёдрами, понимая, что сознание плавится.

Медленно стягиваю резинку с хвоста и наслаждаюсь каскадом рассыпающихся волос.

Хожу по граням ощущений. Тонких и таких чувствительных.

Я смело подстрекаю мужчину. Не думая о последствиях. Стирая под чистую границы.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, натыкаюсь на симпатичного шатена.

Наши взгляды встречаются, и парень, не растерявшись, складывает ладони на моей талии.

А я позволяю ему, с заходящим сердцем и спирающим ды-

хании.

Мы не успеваем исполнить хоть одну связку — грубо, резко и бесцеремонно мое запястье дергают, вырвав из объятий симпатяги.

Я чувствую себя тряпичной куклой, которую волокут через танцпол и забитое помещение толпой.

Ноги заплетаются за размашистым шагом мужчины.

Он что, злится?

Если да, то почему? И что за варварское поведение?

Даю отпор, что есть силы.

— Аким Артурович. Куда Вы меня тащите? Аким Артурович. Ау. — Но грохот музыки перекричать проблематично. Потому пытаюсь вырвать руку, торможу сапогами, только мужчина игнорирует попытки сопротивления, даже как-то смешно становится. — Аким Артурович, отпустите. Там мои подружки, я не могу их оставить, — реакция нулевая.

Мы оказываемся на улице заднего двора, и здесь же расположена парковочная зона. Только когда оставляем позади

музыку и приторный запах клуба, наваливается ночная прохлада и тишина.

Внезапно Аким останавливается и оборачивается.

От неожиданности врезаюсь в твердую грудь, и столкновение с литыми мышцами вкидывает в мандраж.

Мои ладони упираются в мужские предплечья, и забываю глотать воздух. Я чувствую, как в мою слизистую проникает запах хвои и табака.

Подняв голову, встречаюсь с многозначным взглядом, в котором плещется коктейль недоумения и негодования.

А меня по-прежнему утягивает в самое дно, я вязну в нем и, вытянувшись в струну, пытаюсь стоять с прямой осанкой.

— Итак, Василина?

— Здравствуйте, — между нами минимум дистанции, и нахожусь в шаге от обморока. Ох, как волнительно.

— Оставим любезный треп на следующий раз. Я слушаю, — мы находимся на улице, но Аким Артурович умудряется перекрыть все свободное пространство.

— Что именно?

— Родители в курсе, где их дочь находится в данную минуту?

— Причем тут родители?

— Повторяю вопрос, отец и мать знают, где проводит досуг их целомудренная дочь? — проговаривает с нажимом, аж желваки на скулах образуются.

— Знают, не знают. Какая разница? — Меня ведет алкоголь и легкая обида. — Вообще я не должна отчитываться ни перед кем. Ясно?!

— Ясно, — сдержанно отвечает.

— Ну тогда я пошла.

— Стоять. Да ты пьяна, — догадывается мгновенно. Угрожающе сузив глаза, склоняется надо мной, обнюхивает, и я натягиваюсь тетивой от давящей энергетики и мужского жара. Его губы находятся в опасной близости, и тут же лишаюсь здравомыслия. Конечно, Сатаров понятия не имеет, каких усилия прилагаются для устойчивости на ногах. Конечно,

но, ему невдомек, что его теплое дыхание жалит мою кожу и как вводят в замешательство его манипуляции.

— Нет, — поджимаю губы. — Все под контролем у меня, я в полном адеквате.

— Под каким контролем? Сорокоградусным?! — Он надсмехается, и в придачу кривая усмешка обнажает белоснежные зубы. Господи, дай мне сил выдержать.

— Нет. Мы пьем коктейли, — мозги не собираются в кучу.

— Ну тогда это в корне меняет дело, — бьет сарказмом. — Может, по такому случаю и наркоту успели попробовать, чтобы догнаться по-взрослому? А дальше куда? В бордель наведаетесь? В стриптиз-клуб?

— Практически весь маршрут наш описали. И да, могу себе позволить. Вам память никогда ведь не изменяет. Помните? Двадцать один год уже как.

— И? Это не дает повода вертеть задницей в клубе перед оравой мужчин. Надо с головой дружить, даже при достижении данного возраста.

— Я не вертела задницей.

— Вертела. Крутила, дефилировала. Какая разница?

— Большая. Это танцем называется.

— Каким? Отымейте меня семеро?! Боюсь, ты выбрала не то место и время. Особенно с тем типом, одним танцем дело не ограничится.

— Даже если так? Это касается только меня и того типа, — подчеркиваю гласные. Я хочу, чтобы во мне видели, лишь взрослую личность, а не зеленую малолетку и цифры не имеют значения.

— Я своим ушам не верю.

— Проблемы со слухом?

— Бля. Боже. Дай мне терпения, — выдает спустя минуту.
— Ладно. Садись в машину, отвезу тебя домой, — черный автомобиль поодаль оживает после сигнала брелка.

— И молиться, смотрю, начали.

Лучше бы промолчала, так как Сатаров стреляет в меня

убийственным взглядом.

— Живо в машину, — чеканит стальным тоном, отчего становится не по себе, и как стою на ногах одному творцу известно.

— И не подумаю, — упрямлюсь, и мужчина склоняет голову еще ближе.

— Что случилось, Василина? Достигнув совершеннолетия, ты впала в деградацию? — произносит тихо. Пытливо осматривая мое лицо, теряется в догадках о мотивах поведения. Его глаза на какой-то миг останавливаются на моих губах, лишь на мгновение, и все же уловить удастся. Сердце под частотой тяжелых ударов не щадит ребра, и, кажется, грудь трещит от переполнения.

Но я продолжаю подходить к краю бездны в плотном тумане, жажду переступить запретную грань, и двигаюсь по опасной территории. Мой маленький шаг, но такой смелый — он окончательно уничтожает между нами расстояние.

— Аким Артурович, я сама не понимаю, — выдаю на коротком выдохе. Поднявшись на мыски сапог, тянусь для поцелуя, а мужчина молча наблюдает и не двигается. Идет моя личная проверка, насколько далеко я готова зайти. На многое. Мне не верится, что происходящее — настоящая реаль-

ность. И накрывает по максимуму, а избыток чувств отключает инстинкты. Мораль. Наличие его девушки. Хотя, когда Сатаров рядом, я в полной отключке – совсем не соображаю. Робко и очень осторожно кончиком языка касаюсь твердых губ, очерчиваю контуры и пробую на вкус – он божественен.

ГЛАВА 8

Пьянею моментально.

Искры из глаз сыпятся от наслаждения, от спирающего дыхания, от спазмов внизу живота и полета с бездны.

Господи. Я это сделала. И вот-вот легкие разорвутся от насыщенности ощущений. Голова кружится и сколько времени длится эйфория, не имею представления.

Но что-то происходит не так. Что-то, отчего прихожу в себя.

Сатаров...

Он словно застывшая статуя. Не отталкивает. Абсолютное отсутствие реакции.

Лишь ледяной холод.

И это сбивает с толку. Вводит в ступор.

В полном смятении не понимаю, как расценивать подобное поведение, вернее, его неимение.

Сделав шаг назад, отстраняюсь.

— Извините, — голос предательски дрожит. Я словно преступница, укравшая чужое счастье.

Наверно сейчас самое время уйти. По крайней мере, так хоть гордость какая-то останется.

Деревянными ногами разворачиваюсь и делаю несколько шагов, как происходит резкий захват моего затылка.

Притянув за волосы, мужчина рваным дыханием опалает кожу.

Только я не чувствую боли, как и самого страха – мир переворачивается буквально за секунды.

— Ты что творишь, малышка? — его надсадный голос не

узнаваем.

— Я... Поцеловала вас, — озвучив, тут же краснею до корней волос.

— Ты же понятия не имеешь, насколько это опасно? — очередной подтекст угрозы.

— Мне все равно.

— О, девочка выросла и стала смелой? Действительно веришь, что теперь тебе все можно?!

— Аким Артурович, я...

— Молчи, — шипит. Содрогаюсь от первобытной грубости, и меня безбожно ведет в экстазе, как мазохистку. — Ясно одно, ты вздумала поиграть? — дыхание сбито, что-либо ответить не в силах. Лишь качнуть головой в отрицательном жесте. — Только известно ли тебе, что правила взрослых игр слишком жесткие, детка? — выплевывает в самые губы, и вновь злобещий оскал искажает мужское лицо. — И ты их просто напросто не потянешь.

— Я смогу, — едва волочу языком. А сердце подскакивает к горлу, бьет по перепонкам, по ребрам, по пляшущим

венам.

— Дурочка.

Все сыпется кругом на мелкие крупички, когда твердые губы запечатывают мой рот жестким поцелуем.

Воздух вышибает из легких, когда резко вжимают лопатками в металл, и задыхаюсь от мощного напора языка. От массивного тела и исходящего от него жара.

Меня таранят, алчно поглощают, и коленки подкашиваются от натиска.

Я подчиняюсь. И чувствую нещадные укусы на губах.

Дикие и свирепые — они подобны наказанию за непослушание.

И с упоением принимаю это в награду, впадая в зависимость.

Я слышу в ушах, как лопаются сотни шаров, один за другим. Как звучат фанфары, а в сознании яркие петарды взрываются.

Асфальт уходит из-под ног, будто зыбучий песок и только мужская хватка не дает свалиться.

А затем все внезапно прекращается — рай обрывается.

— Твою мать, — он резко отстраняется, толкает от себя и отходит на несколько шагов. — Бля. Бл*ть.

Крылья его носа широко раздуваются, и грудь вовсю вздымается. Стиснув пальцами переносицу, жмурится, и желваками угрожающе шевелит.

— Аким Арт..., — бессвязно лепечу, стараясь справиться с головокружением и облизываю горящие губы. Я расплюснутая наслаждением фактически невменяема.

— Молчи, — посылает предупреждающий взгляд. — Молчи. Сука.

Знаю, брань предназначена не мне, но воздух заряжен злостью и яростью. И очередной стеклянный барьер между нами вновь занавесом опускается.

— Ни слова. Больше. Сейчас же сядь в машину, — со свистом выдыхает. — П*здец. Просто. Лютый. П*здец, — кулаком бьет по кузову.

— Вам не понравилось? Я сделала что-то не так?

— Василина, — подрывается ко мне, но в шаге тормозит.
— Ты издеваешься? — бросает раздраженно, окинув бешеным взглядом, от которого содрогаюсь.

— Эй, чувак. Слышь? Мудила. Я с тобой разговариваю, — разносится на безлюдной улице. Мы даже не сразу понимаем, к кому обращаются, и потому оскорбления остаются без внимания.

— Отвечай, — Сатаров смотрит сверху вниз и подавляет ростом.

— Я... Я..., — моя орбита сбита, и затуманенное сознание не спешит возвращаться в реальность.

— Отошел от нее, — симпатичный шатен, на котором отработывала финты соблазна, нарушает наше уединение. За спиной кричащего следуют еще два парня с татухами и торчащими волосами на головах. — Отвали, я сказал, от нее, — на что Аким оборачивается.

— Это ты мне?

— Нет, блять. Папе римскому.

Аким неподвижен, ни одна мускула на лице не дергается. А у меня мороз волной скачет по коже.

— Ты вообще кто?

— Я ее парень на один вечер. А может и не один, посмотрим, что она умеет.

— Лучше исчезни, — доносится сквозь белый шум в ушах. — Пока можешь передвигать своими ногами.

— Че ты сказал, козлина?

Неадекватная компания надвигается на Акима, но мужчина лишь беспристрастно наблюдает за дерзкими и молодыми бычками, мягко говоря, я им не завидую.

— Ну хорошо. Тебе удалось привлечь мое внимание, — глухо посаженный голос Сатарова не предвещает ничего хорошего.

Обстановка накаляется с каждым брошенным словом компании.

— Аким Артурович, не нужно связываться с ними, — подаю голос тихо.

— Села. В. Машину. Говорю последний раз.

Ничего не остается, как повиноваться требованию, и поступила бы так наверняка в иной ситуации.

Только в голове каша, сознание перевернутое, и действую для себя же непредсказуемо.

Действую на инстинктах и отрезвляющем стыде, пришедшем столь не вовремя.

Огибаю черный автомобиль, подхожу к задней двери, не переставая оглядываться, трусливо проскальзываю сквозь припаркованные машины.

Аким Артурович по всем параметрам выигрывает соперников, и каков исход столкновения определить не сложно.

К тому же, наличие черного пояса по восточным единоборствам, а также мастера спорта по боксу успокаивают взбаламученное сердце.

Следует позвонить в полицию и сообщить о возможной

торговле запрещенными препаратами.

Необходима была быстрая реакция, и только экстраординарная ситуация способна расшевелить правоохранительные органы.

Тревога идет не за мужчину, а его соперников.

Хотя волноваться надо о себе, в первую очередь.

Я явно слетала в космос и на бешеной скорости вернулась на землю.

Этот колющий страх, комбинированный с эйфорией, буквально разрывает изнутри и продолжают мучить тело. Я возбуждена или пьяна, понять сложно.

И едва буквы могу связать в слова, а как адекватно объяснить с Акимом не приложу ума.

Пожалуй, побег — это лучшее, что приходит в голову.

Вызвать такси не получится, телефон в клубе, и с девочками необходимо попрощаться.

Обогнув ряд автомобилей, выхожу на главный вход в за-

ведение.

Как только удастся попасть в вип кабину, хватаю телефон и мгновенно вызываю машину, предусмотрительно поставив точку геолокации у следующего здания.

А затем набираю в полицию.

И если изначально планировала сообщить девочкам об отъезде, сейчас меняю решение.

Они танцуют, веселятся, находятся в восторге, и прерывать их времяпровождение не хочется.

Подзываю официанта, а с ним и администратора.

У одного оплачиваю счет, озираясь по сторонам, и прошу предупредить девочек о моем вынужденном отъезде. Выплачиваю чаевые и обещаю больше, если просьба окажется исполненной.

А админу клуба сообщаю о предполагаемой драке в пределах заведения и необходимости вызвать ГБР.

Да, я подстраховала обе стороны, если можно так сказать. Пытаюсь усыпить совесть и блокирую ее скрипучий голос.

Отписываюсь однокурсникам о вынужденном отъезде, приношу извинения и стремглав вылетаю из клуба.

Добираюсь до дома довольно быстро и без происшествий. Домочадцы спят, и стараюсь бесшумно двигаться.

Лишь оказавшись у себя в комнате, тяжело выдыхаю, а с ним скидываю скопившееся напряжение за пару часов.

На мобильный приходит уведомление, вероятно, девчонки уже обнаружили мое отсутствие.

Однако я ошибаюсь.

По щекам наотмашь бьет раскаленный кровоток, потому полыхает каждая линия лица.

Аким.

Пульсация в висках оглушительна.

Всплывшее окно уведомления показывает содержание текста — лишь одна единственная точка.

Она красноречивее любых гневных криков.

Точка, которая означает миллион вопросов и требующая ответы.

Черт. Черт. Черт.

Холод бежит по спине, обволакивая каждую косточку позвоночника.

«Я дома».

Онемевшими пальцами жму по буквам, и отправив сообщение в чат, отключаю гаджет.

ГЛАВА 9

Суббота. Полдень. Фуршет проходит в полном разгаре.

Во дворе играет живая музыка, арки с цветами и столы с закусками ломаются, что настраивает на праздничную атмосферу.

Не сказать, что нахожусь в хорошем настроении, но

суета, творившаяся в последние дни, как-то выводит из аморфного состояния.

К тому же подарок, вручённый родителями, оказался белый «Порше».

Мой личный автомобиль, идеальный по параметрам, вызывал восторг, но забирал все свободное время, и я окунулась в учебу вождения машины.

Тракторка посылает предков оказалась предельно ясной – доверие.

Мне дали шанс самой нести ответственность, некую сепарацию – считаю, это довольно разумный ход со стороны родителей.

Естественно, фокус внимания от душевных мук слегка притупился.

Наш дом переполнен моими друзьями, однокурсниками, родней, а еще незнакомыми людьми.

Мама суетится с гостями. Папа жарит стейки, что-то активно рассказывает мужчинам, и те громко гогочут. Каждому свое.

А я со своими сверстниками купаюсь в огромном бассейне, распивая прохладительные напитки.

Атмосфера непринуждённая, и все идет по плану.

Ясная погода благоволит, и принять дозу ультрафиолета моей белоснежной коже необходимо.

В который раз с головой окунаюсь в прохладную воду и сразу плыву к лестничному подиуму.

Покинув бассейн, подставляю лицо ослепляющим лучам, чувствуя каждую каплю, стекающую по телу, и это настолько прекрасно, что забываюсь на мгновение.

Изгибы фигуры горят, и я плавлюсь на солнце, ощущая, как прогревается каждая пора.

Подходит Анята с загадочной улыбкой и блеском в глазах, в принципе так происходит всегда, когда в ее голову приходит гениальная мысль. Так она думает, по крайней мере.

— Селина...

— Итак, выкладывай, что происходит?

— Ммм, а ты не заметила?

— Что именно?

— Дмитрий с тебя глаз не сводит.

— Знаю, — я его не приглашала, но наши семьи дружат, и этим все сказано. Повернув голову, натыкаясь на парня, стоящего у бассейна, — в шортах, белой футболке и бейсболке он выглядит младше своих лет. Черт! Он ведь действительно пялится, словно под гипнозом и не моргнув ни разу.

— Ну вот, он к нам идет. Улыбнешься, Селина?

— Ну конечно, нет, — отвечаю, ища пути отхода.

— Привет, девочки, — мягкий голос Дмитрия вызывает раздражение. — Привет, Василина.

— Салют, — Анна заинтересованно смотрит на Дмитрия.

— Здравствуй, Дим, — говорю сухо.

— Я лимонад принес, собрал его по своему авторскому рецепту. Попробуешь?

— Нет, спасибо.

— Ну я вот, пожалуй, воспользуюсь предложением, — не теряется одноклассница, взяв в руки бокал. А я чувствую тотальный дискомфорт, мою кожу всю жжет, будто я вынырнула из кипящего масла. С чем это связано, непонятно, возможно, из-за палящего солнца, но перед началом праздника успела нанести молочко для загара.

— Бери, пожалуйста.

— Предки у тебя отпад, крутой праздник устроили.

— Спасибо. Они умеют, — соглашаюсь с усмешкой, вспомнив, сколько усилий приложили родители к проведению мероприятия. Уже молчу про финансовую часть расходов, я с ними никогда не рассчитаюсь.

Не покидает ощущение, что я не в своей тарелке нахожусь, и хочется прикрыться.

— Ммм, кайф. Димочка, это настолько потрясающий коктейль. Как он называется?

— Так и называется "Awesome". Потрясная, — ясный взгляд наплавлен на меня. А я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза от очередного знака внимания.

— Bay! Ты слышала, Лина?!

— Слышала. Ты молодец, — выдаю на автомате.

— А ты сможешь его повторить, но только для меня?

— Наверное. Только в следующий раз.

— Ребят, Марианна должна с минуты на минуту подъехать, мне нужно привести себя в поря.., — закончить предложение не получается.

Буквы застревают в горле, а тело пробивает тысячами статических вольт, они подобны раскаленным иглам, вонзившимся в кожный покров.

Увидеть Его здесь и сейчас подобно изнурительному испытанию.

Из-под ног вновь уходит устойчивость, и куда-то проваливаюсь.

Я попадаю в личный крошечный мрак, где только синие глаза являются компасом.

Тяжелый взгляд очерчивает контуром, прощупывая каждый миллиметр тела.

Это какое-то сумасшествие.

После того дикого поцелуя все инстинкты обострены в разы. Губы едва ли не горят, полость вязнет от наглого языка.

Внешний мир теряет фоновые звуки, все перебивает собственное дыхание и грохот сердцебиения.

В глазах скачет черно-белая рябь, то ли от солнца, то ли от нехватки воздуха, и ребра готовы разорваться от адского накала жара.

— Тебе плохо? — будто сквозь вату доносится.

— Н-нет. Все в порядке, — с усилием добавляю, хотя язык заплетается.

— Но это не так. Ты вся побледнела, — не уступает Дмитрий.

— Перегрелась, видимо. Я все же пойду к себе.

— Конечно, милая, — поспешно отвечает Анна.

— Я помогу, — вызывается парень. Силы резко покидают, и спорить нет желания, потому позволяю поддерживать себя в талии. — Я могу взять тебя на руки, и тогда мы быстрее доберемся до спальни.

— Исключено. Не нужно привлекать внимание присутствующих, и родители беспокоятся начнут.

— Как скажешь.

У порога спальни благодарю Дмитрия за проявленную помощь и прощаюсь торопливо.

Подхожу к окну, пробегаясь взглядом по собравшимся гостям.

Но Акима среди них нет, словно сквозь землю провалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.